

“Игра в классики” по-английски

Театр “Нью Эдвенчерз” и Национальный театр (Лондон, Великобритания) представили спектакль “Пьеса без слов”

Возможно, ни одного спектакля Чеховского фестиваля не ожидали с таким нетерпением, как этого. Имя режиссера и хореографа Мэтью Боурна уже несколько лет как на слуху у отечественных театралов. И в первую очередь как автора нашумевшего “мужского” “Лебединого озера”, видеозаписи коего вызвали бурные споры и подогревали интерес к фигуре его создателя, предъявившего миру также свои версии “Щелкунчика”, “Золушки” и “Кар Мен” (“The Car Man”) на музыку Бизе, правда, никакого отношения ко “всемирно известной табачнице” не имеющую.

“Пьеса без слов” – тоже произведение “по мотивам”. В данном случае картины “Слуга”, одной из лучших в фильмографии замечательного английского режиссера Джозефа Лоузи, где первую прославившую его роль сыграл выдающийся актер Дирк Богард. Если добавить, что автор сценария “Слуги” – Гарольд Пинтер, то становится ясно: Боурн меньше чем на классику не согласен, идет ли речь о балете или о кино, к которому режиссер-хореограф испытывает пиетет. (Уже над его “Лебединым озером” витал так и не нашедший упокоения дух Людвига Баварского, такой, каким его увидел в своей картине Лукино Висконти, – зачарованным белыми лебедями и “колдовским озером”, на берегу которого он провел последние дни и на дне которого было найдено его тело.)

В “Пьесе без слов” Мэтью Боурн даже с некоторой дотошностью перенес на сцену именно фильм и наряду с этим создал совершенно самостоятельное театральное произведение, которое и по жанру-то сложно обозначить. “Пьеса без слов” – для него и впрямь самое подходящее определение. При этом благодаря ярким пластическим характеристикам героев происходящее на сцене столь выразительно и ясно, как если бы исполнители на самом деле вели богатые интонациями и нюансами диалоги. Каждому герою найден точный имидж, откровенно навеянный фильмом Лоузи. Слуга-джентльмен: властный, сдержанный и высокомерный, при первом появлении – в длинном пальто и шляпе, с сигарой в зубах, а затем – в жилете и рубашке с закатанными рукавами, а-ля Богард. Хозяин – инфантильный аристократ, в очках и с непременным шарфом на шее. Его невеста – “девушка из хорошей семьи”, одетая по картинке модного журнала шестидесятых годов, приличная и в общем... никакая. Служанка – маленькая стервочка, в черном платьице с белым передничком. Но главное – каждый образ создается сразу тремя танцовщиками, кроме служанки, существующей только в раздвоенном варианте. Внешне исполнители одной роли – клоны: одинаковая одежда, одинаковые повадки. Но в силу разности актерских индивидуальностей они отличаются друг от друга, создавая эффект преломленного, ускользающего, “неверного” изображения. Перемещения героев столь стремительны, легки и слажены, что начинают казаться: у тебя не просто трое, но четверо, чуть ли не десятеро в глазах, а действие приобретает оттенок легкого безумия. У Лоузи речь идет не об ординарном нахальном лакее, который “поставил на место” своего избалованного барина, “подсунув” ему в качестве горничной свою любовницу, естественно соблазвившую нестойкого пай-мальчика. Слуга Богарда – фигура дьявольского масштаба. Недаром он, переиначивая Евангелие,

говорит, что никому никогда не будет слугою. Его стремление поработить, разрушить как личность хозяина, целиком завладеть его волей не имеет практической подоплеки и носит скорее мистический характер. Вопрос, кто кому на самом деле хозяин, а кто слуга и почему они не могут обойтись друг без друга, в фильме остается открытым. В спектакле тема двойничества носит не зловещий, а остроумный, театрально-игровой характер: одного джентльмена могут переодевать сразу трое слуг, а в самый пикантный момент совращения хозяйина служанкой одну исполнительницу может подменить другая. Боурн вводит в спектакль персонажа, которого нет у Лоузи, грубого парня в ковбойке, на чью долю выпадает брутально овладеть невестой героя, словно зеркально отразив адюльтер последнего с горничной. Кстати, эротическим сценам Боурн всегда находит корректное решение. Обольщение хозяйина совершается на кухонном столе. Постановщик виртуозно монтирует “крупные планы”: сначала дрожащая рука соблазнительницы, затем ее “волнующаяся” ступня, а затем и вся ее трепещущая плоть. Прием с мельканием “кадров” играет в спектакле определяющую роль. Один и тот же эпизод часто проигрывается сразу, одновременно, но не синхронно. Одна “ипостась” героя может страдать по поводу дурного поступка, другая только к нему готовится, а третья мы видим в момент его свершения. Эта “игра в классики” и многовариантность ничего, по сути, не меняют: каждая шахматная фигура ходит только по раз и навсегда установленным правилам. Что бы ни делали персонажи спектакля: хаотично бродили по сцене или соединялись в общем танце, конфликтовали, страдали, интриговали, совершали самые обыденные действия или нечто из ряда вон выходящее, они как заготовки конструкции “Лего” все равно лягут в свои пазлы. А потом их можно рассыпать и начать решать головоломку заново. Собственно говоря, в спектакле так и происходит. После того как в финале униженный и поверженный хозяин остается один, на сцену, как в прологе, выйдут все герои, и история пойдет по новому кругу, будто туманное лондонское наваждение. Надо сказать, что и сам город с его пабами, телефонными будками и подземкой, “выплывающей” пассажиров, играет в спектакле не последнюю роль. Сценограф Лез Брозерстоун обозначил его узнаваемым Биг Беном, силуэтами других зданий, а главное – английским домом, тем самым, который для британца его “крепость”. Все действия пронизаны абсолютной музыкальностью. Танец, органично перетекающий в пантомиму (хотя это не совсем подходящее слово), или проход через сцену, каждое движение и жест героев являются пластическим воплощением ностальгических джазовых композиций шестидесятых, звучащих в исполнении сидящего за сценой “живого” оркестра. Время с его музыкальными темами, ритмами и особой пластикой, как и город, становится равноправным участником этого необычного спектакля, завораживающего и любителей драматического театра, и приверженцев современного танца, и киноманов, и поклонников джаза... Словом, всех...

Алла МИХАЛЕВА

Фото Михаила ГУТЕРМАНА

Сцена из спектакля

